

ОЛЕГ АУРОВ

Новые книги о Великой Отечественной войне

Великая Отечественная война продолжает восприниматься в российском обществе как важнейшее событие XX века. А потому книги, о которых пойдет речь далее, несомненно привлекут к себе внимание читателей. Все они по-своему интересны и все требуют специального разговора.

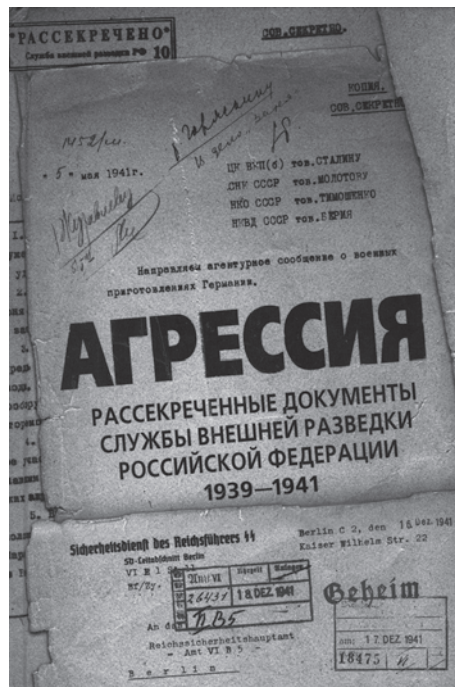
Начну с вышедшего в свет нового сборника рассекреченных материалов Службы внешней разведки РФ. Он включает тексты более 200 документов, самый ранний из которых датирован 7 января 1938-го, а самый поздний — 14 декабря 1941 года (см. С. 33—34, 563—567). По происхождению документы, вошедшие в

сборник, могут быть условно подразделены на несколько основных групп:

1. Зарубежные дипломатические документы, добытые агентурным путем.
2. Донесения советских разведчиков, составленные на основе их собственных наблюдений.
3. Донесения советских агентов, переданные через посредство кадровых разведчиков, работающих за рубежом (сами эти

Агрессия.

**Рассекреченные документы
Службы внешней разведки
Российской Федерации,
1939 — 1941.** Сост. Л. Ф. Соцков.
М., РИПОЛ классик, 2011. 576 с.

агенты фигурируют в документах под условными псевдонимами «Корсиканец», «Старшина», «Лицеист» и др.).

4. Спецсообщения на имя начальника I Управления НКГБ СССР (далее — ПГУ) и наркома госбезопасности, составленные ответственными сотрудниками профильных наркоматов союзных республик (в абсолютном большинстве случаев — Украины, реже — Белоруссии), в которых обобщаются данные наблюдений за ситуацией на приграничной территории со стороны вероятного противника (передвижение и концентрация войск, строительство оборонительных сооружений и др.).

Чрезвычайно широка география представленных в сборнике материалов. В их числе — документы, присланные из Германии, Венгрии, Италии, Финляндии, Великобритании, Чехословакии, Польши, Бельгии, Югославии, Болгарии, прибалтийских республик (вплоть до лета 1940 года — времени их присоединения к СССР), Японии, Китая. При этом следует учесть тот факт, что информация, полученная из соответствующих стран, далеко не всегда содержит

сведения лишь о государстве ее происхождения. Так, например, сведения, получавшиеся ПГУ из Софии, касались не столько самой Болгарии, сколько военных планов и приготовлений Германии, стремительно вовлекавшей в свои планы балканскую монархию, территория и коммуникации которой были особенно важны для рейха весной 1941 года, в период захвата Югославии и Греции, а в дальнейшем — для переброски войск в Румынию, к советской границе (см. С. 418—419 и др.).

Раскрыть «примерные сроки нападения» — это не так уж мало; по меньшей мере, это уж точно не означает «внезапно». Да и было бы весьма наивным ожидать, что окончательный срок будет назван за год-полгода до начала военных действий.

Долгое время сначала советская пропаганда, а затем — советская историография Великой Отечественной войны доходчиво объясняли нам, что нападение Германии на Советский Союз произошло *внезапно*. Чтобы не быть голословным, сошлюсь на мнение одного из признанных специалистов — ветерана Службы внешней разведки, полковника в отставке, видного историка советской разведки В. Н. Карпова (1946—2007). 16 июня 2001 года на «круглом столе» в газете «Красная звезда», посвященном 60-летию начала Великой Отечественной войны, на вопрос «Что конкретно знало высшее руководство СССР о планах Гитлера?» исследователь ответил: «Что именно удалось вскрыть разведке? Только военные приготовления и примерные сроки нападения. Остались неизвестными цели, которые преследует Гитлер, характер предстоящей войны, направление главных ударов. Не до конца было ясно, будет ли Германия вести войну против нас в одиночку или в коалиции и с кем именно. Даже количество дивизий было установлено приблизительно, тем более что танковые соединения Гитлер перебросил к границам СССР буквально за двое суток до нападения. Благодаря утечке

информации распространялись слухи, доходили до руководства в виде донесений о том, что Германия нападет на Советский Союз 15 апреля, 1, 15, 20 мая, 15 июня... Эти дни наступали, а война не начиналась»¹. А присутствовавший там же известный современный военный историк, доктор исторических наук О. А. Ржешевский развил эту мысль, подчеркнув, в частности, что «немцы придавали дезинформации огромное значение и в этом деле весьма преуспели».

Что здесь можно сказать? Начну с того, что раскрыть «примерные сроки нападения» — это не так уж мало; по меньшей мере это уж точно не означает «внезапно». Да и было бы весьма наивным ожидать, что окончательный срок будет назван за год-полгода до начала военных действий (хотя бы потому, что и само германское командование долгое время не нуждалось в фиксации точной даты, поскольку подготовка столь масштабной военной операции требует увязывания такого количества частных аспектов, что заранее предусмотреть всего и вся невозможно). В любом случае в документах, составивших рецензируемый сборник, в числе ориентировочных сроков нападения неизменно указываются весна — начало лета 1941 года, но никак не 1940 или 1942 годы. Более высокой степени детализации было бы ожидать просто наивно.

Не будучи специалистом, не хочу судить о том, в какой мере на точности сообщаемых фактов сказались меры противника по сознательной дезинформации советского руководства. Очевидно также, что такие меры должны были отразиться в первую очередь на репрезентативности сведений, сообщаемых агентурной разведкой. Действительно, только сейчас, спустя 70 лет, мы способны оценить, например, такую информацию, переданную в апреле 1941-го: «Немцы считают слабым местом обороны СССР наземную службу авиации и поэтому надеются путем интенсивной бомбарди-

¹ «22 июня 1941: Могло ли быть все по-иному?» — «Красная звезда». 16.06.2001 (www.redstar.ru/2001/06/16_06/4_01.html).

ровки аэродромов сразу же дезорганизовать ее действия» (С. 351). А в июне того же года, за считанные дни до атаки, из Берлина сообщали: «...вопрос о нападении на СССР решен... Следует считаться с неожиданным ударом» (С. 420).

Подобные сведения сегодня не требуют комментариев. Тем более что внимательное чтение позволяет выделить и области информации, в которых агентурная разведка явно ошибалась. В частности, неоднократно повторяются сообщения о том, что планы нападения предполагают нанесение ударов не тремя группами армий («Север», «Центр» и «Юг»), как это было на самом деле, а двумя — на севере и юге советско-германского фронта, с последующим окружением войск, прикрывавших центральные районы СССР. В частности, еще в середине июня 1941 года агент «Старшина» сообщал, что «германское командование будет стремиться путем обхода с севера из Восточной Пруссии и с юга из Румынии создать клещи, которые будут постепенно смыкаться в целях окружения Красной армии, расположенной на границе Генерал-Губернаторства» (С. 450). Видимо, приведенный фрагмент — один из наиболее ярких примеров того, сколь эффективно работала немецкая машина дезинформации.

Однако, учитывая возможности этой машины, не следует впадать в другую крайность и чрезмерно преувеличивать их. Об этом четко говорит информация иного рода, также достаточно хорошо отраженная в рассматриваемых документах. В них содержатся факты, носившие массовый характер, сокрытие которых было невозможно чисто физически уже в силу масштабов подготовившейся операции. К числу таковых относятся данные о переброске войск, в том числе через территорию «бывшей Польши» (она же — Генерал-Губернаторство), их расквартировании, выделении соответствующих помещений, автоматическом сопровождавшемся мерами по отселению местного населения, строительству оборонительных сооружений в приграничной зоне и складских помещений, созданию запасов топлива, продовольствия и боеприпасов и т. д.

Соответствующие обзоры, составленные на основе постоянных наблюдений за приграничными районами, направлялись

в Москву десятками. Четко прослеживается рост объема и интенсивности поступления сведений такого рода, которые уже вскоре оказываются невозможным «списать» лишь на дезинформационные меры — хотя бы потому, что подобная «дезинформация» оказывалась уж слишком дорогостоящей, как в финансовом, так и в чисто организационном плане. Стоило собрать эти данные воедино, чтобы даже непрофессионалу становилось ясно, *что и для чего* затевается. На фоне этих сведений жалкими байками оказываются оправдания типа замечаний о том, что ведомство Ф. И. Голикова (ГРУ) ждало данных о всплеске мировых цен на овчину, поскольку, дескать, ее заготовка Германией была необходима для пошива зимнего обмундирования, а немцы (вот хитрецы, право слово...) готовились не к зимней, а лишь к летней кампании. Вне зависимости от правдивости этой версии, в свете представленных документов становится очевидным: в распоряжении советского руководства было более чем достаточно объективных данных, для того чтобы понять, что в конце 1940-го — начале 1941 года время начала войны Германией против СССР измерялось считанными месяцами, а не годами.

Что же касается процитированного выше заявления В. Н. Карпова об отсутствии сведений о потенциальных союзниках Германии, то, не ставя его полностью под сомнение, позволю себе все же заметить, что в распоряжении советского руководства (судя по данным тех же документов) было немало *абсолютно достоверных* сведений и на этот счет. Речь идет об объективных (то есть априори не подверженных дезинформации) данных о военных приготовлениях Румынии, Венгрии, Финляндии, Болгарии, о подготовке и проведении в них мобилизационных мероприятий и т. п. (см. С. 418, 447 и др.). Очевидно, что сателлитам Гитлера было попросту не под силу обеспечить тот же уровень секретности, который был достигнут их старшим «партнером», а потому (и документы со всей очевидностью это подтверждают) малые страны — союзницы «Оси» являлись настоящим кладом ценнейшей разведывательной информации.

Остается лишь привести основной вывод вступительной статьи, написанной составителем сборника, отставным генералом той же СВР РФ Львом Филипповичем

Соцковым: «Долгое время наша общественность находилась в плену выдвинутого с началом Великой Отечественной войны тезиса о внезапности нападения Германии. Он был призван, очевидно, хоть как-то объяснить советскому народу катастрофические неудачи на фронтах и в начальный период войны. В то же время документы свидетельствуют, что внешняя разведка свою главную обязанность своевременно информирования высшего руководства по вопросу о войне выполнила» (С. 5).

Этот вывод мог бы означать настоящую сенсацию в нашей историографии, если бы не одно *но*: крайне низкая научная культура издания рецензируемого сборника. К сожалению, уважаемый генерал, публикующий уже четвертый сборник документов из архива СВР², так и не удосужился ознакомиться с элементарными правилами публикации архивных документов, которые в полной мере распространяются и на материалы из фондов архива СВР РФ (или пусть мне покажут положение российского законодательства, обосновывающее иное). Документы в сборнике не пронумерованы, общие принципы издания не заявлены, минимально необходимая идентификационная информация (номера архивных фондов, описей, дел, листа (или листов)) отсутствует. Для несведущих поясню: это означает, что исследователи (неважно — военные или гражданские) не могут сослаться на них в своих работах. И секретность здесь ни при чем: любому специалисту известно, что документ либо рассекречен, либо нет. Первое (в отличие от второго) автоматически предполагает наличие не только непонятно откуда взявшегося текста, но и архивный шифр, по которому, в случае необходимости, исследователь может проверить, сколь точен был публикатор в своей работе. И кстати, отразил ли он изменения, в разное время вносившиеся в документ и влияющие на его содержание (надписи от руки поверх машинописного текста и т. п.).

В данном же случае возникает ощущение, что издатель понимал свои зада-

чи весьма своеобразно. Вот, например, фрагмент из интервью генерала корреспонденту «Российской газеты» Н. Долгополову:

РГ: Я смотрю, вы даже не правили орфографию и запятых не расставляли. К примеру, везде “финская кОмпания”, через “о”, а не “а”.

Л. Ф. Соцков: И фамилии некоторых известных лиц мы тоже не писали на наш сегодняшний лад. Пусть останется так, как было, и в этом тоже — дух эпохи...

РГ: В некоторых документах вы называете псевдонимы агентов, в некоторых — сплошные пропуски.

Соцков: Кое-кто, например, “Старшина”, “Корсиканец”, были хорошо известны Сталину, по крайней мере их псевдонимы. Некоторые имена мы снимали»³ (и т. д.).

В общем, понимайте как хотите: один и тот же персонаж перед вами или нет, — издатель за читателя этого не выяснял, он был озабочен «духом эпохи». А «кое-кто» был вполне известен Сталину — и довольно: а вам зачем? В реальной жизни это означает, что кипу отобранных документов просто положили перед машинисткой, которая напечатала их как умела, а потом без всякой доработки набранный таким образом текст пошел в издательство. Даже точных дат генерал и его помощники (если таковые были) уточнить не удосужились: если они есть в документе — слава богу, если нет — тоже ничего. Личные имена и термины писались так же, то есть как бог на душу положит.

Про такую «излишнюю» вещь, как комментарии и указатели, издатель документов (как, впрочем, и издательство ООО «Группа компаний “РИПОЛ классик”»), видимо, даже не слышал. А потому без всяких пояснений в сборнике фигурируют сотни имен, десятки учреждений и исторических событий колоссального значения. В итоге читатели сами должны догадываться, чем занимался, например, «1 отдел 3 отдела I Управления НКГБ СССР» (С. 350) или кто такой «г-н Стоядинович» (С. 37) (на самом деле — Милан Стоядинович (1888—1961) в 1938 году (время издания документа) являлся премьер-министром и, одновременно, министром иностранных дел Королевства

² См.: «Неизвестный сепаратизм: На службе СД и Абвера: Из секретных досье разведки». Л. Ф. Соцков (изд.). М., 2003; **Л. Ф. Соцков.** Прибалтика и геополитика. 1935—1945 гг. Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации. М., 2009; **Он же.** Секреты польской политики: Сборник документов. М., 2009.

³ **Н. Долгополов.** Документы разведки не горят. — «Российская газета». 21.06.2011.

Югославия, то есть отнюдь не малозначимым персонажем, вполне достойным учета в комментариях) и т. п.

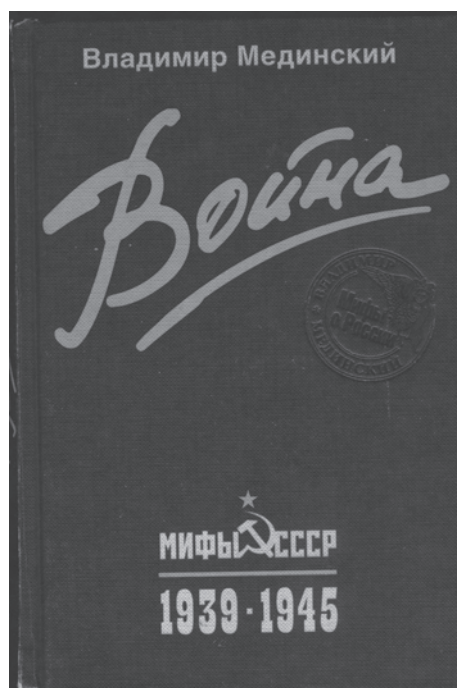
На выходе картина получается довольно печальная. Для специалистов дело обстоит приблизительно так, как если бы уважаемый генерал выдумал все опубликованные в книге тексты, что называется, из головы. Потому что верить или не верить в данном случае можно лишь ему самому: в строгом научном и юридическом смысле опублико-

ванных им документов нет, а есть лишь *пересказы*, идентичность которых оригиналу придется доказывать в каждом случае отдельно. Что же касается *неспециалистов*, то лишь единицы среди них сумеют пробиться через сотни фактов и имен, известных одним лишь специалистам — тем самым, которые (см. выше) едва ли будут читать эту публикацию.

В общем, круг замкнулся. И пока сенсации не получилось...

Продолжу обзор книгой, о которой можно сказать лишь словами Юлиана Сосфеновича Шевчука, ветерана войны и отца знаменитого рок-музыканта Юрия Шевчука: «Это как на танке до Берлина»⁴. То же самое — захватывающее дух — ощущение испытываешь, читая новую книгу профессора МГИМО (У) МИД РФ, доктора политических наук Владимира Ростиславовича Мединского, известного также в качестве опытного и удачливого PR-менеджера. Ремеслу пиарщика он изменяет и в рецензируемой книге, откровенно признаваясь в начале текста: «Мы будем пытаться извлечь уроки из мифологизации нашей

В. Р. Мединский.
Война. Мифы СССР. 1939—1941.
М., ЗАО «ОЛМА Медиа групп»,
2011. 656 с.

Великой войны, будем упрямо ворошить старые истории. Не потому, что мазохисты. А потому, что без правильного понимания нашего прошлого, будущего у нас с вами нет. За мной, читатель!» (С. 22).

Однако в этом признании нет ничего негативного. Как и в его заявлении о том, что «каждому народу нужны свои мифы... Они выполняют очень важную роль: поддерживают национальный дух, осознание своей значимости, гордость за свой народ» (С. 19). Тем более что мифы действитель-

но сыграли в нашей новейшей истории колоссальную роль. Ведь чем иным, как не мифами, была «вскормлена» волна Перестройки, дискредитировавшая советское прошлое и в конечном итоге смывшая и сам Советский Союз? Горбачевско-яковлевская «гласность» 1980-х являет собой едва ли не классический пример успешной мифологизации общественного сознания. В ее случае четко видно, что миф *никогда* не является ложью; в своей основе он *всегда* правдив, но — лишь *частично*. И тысячу раз прав блестящий пиарщик В. Мединский, утверждая: «Можно сказать 5 процентов правды — и люди будут искренне ужасаться и заламывать руки» (С. 50).

Миф всегда до *определенной степени* выдерживает проверку реальностью. Суть проблемы, однако, заключается в том, что он непременно претендует на то, чтобы стать реальностью *полной*: в этом-то и состоит его опасность. Вновь сошлюсь на слова В. Мединского: «Власти СССР совершили прорыв тяжелых ошибок. Одна из них — сокрытие многих страниц истории нашей страны. Мы не изучали историю в целом, системно — поэтому нашим сознанием легко манипулировать» (Там же).

⁴ См., например: www.biograph.ru/bank/shevchuk_uu.htm

Это авторское замечание не лишено некоторой доли наивности. Ибо если бы историю нашей (как и любой другой) страны можно было бы узнать «в целом», историческая наука оказалась бы совсем ненужной. Но в том-то и дело, что изучение истории — это бесконечный процесс *самопознания* нации. Как и всякая наука, она никогда не дает окончательной и полной картины мира (в данном случае — мира исторического прошлого), но находится в непрерывном развитии, прирастая не только (а часто — и не столько) новыми, вновь открывшимися данными, но и (что не менее важно) новыми вопросами, которые ставит к прошлому постоянно меняющееся общество.

Можно также добавить, что ни одно государство (и «власти СССР» не являются здесь исключением) никогда не было и не будет заинтересовано в том, чтобы национальная история изучалась «в целом, системно». Ибо в истории любого народа можно обнаружить «черные» страницы, апелляция к которым неблагоприятно сказывается на имидже соответствующей нации. Геноцид индейцев, рабство и как его продолжение — воинствующий расизм, безграничная власть корпораций, колоссальная и беспардонная поляризация общества, господство протестантского фундаментализма — вот, например, лишь малая толика негативных сюжетов из прошлого (а частью — и настоящего) США. А потому в официальной версии американской истории все эти аспекты, что называется, «не выпячиваются», максимально «лакируются», задвигаются на задний план.

Однако (и в этом-то и состоит одно из главных отличий империалистических Соединенных Штатов от империалистического же СССР!) в американском общественном сознании все эти неприятные для национальной идентичности сюжеты все-таки присутствуют (по меньшей мере они обозначены), а потому общество готово к дискуссии даже на «больные» для него темы. Между тем (и в этом В. Мединский несомненно прав!) история не знает аналогий того упорства, с которым «власти СССР» на протяжении десятилетий скрывали целые пласты национального прошлого. А потому советское общество оказалось совершенно не готово к их обсуждению. Постановка связанных с ними вопросов в широкой и открытой дискуссии настолько

шокировала общественное сознание, что привела к глубокой аномии, продолжавшейся на протяжении всех 1990-х годов, а в определенной степени не преодоленной и до сих пор. В этой атмосфере стало возможно многое, вплоть до «крупнейшей геополитической катастрофы XX века» (В. Путин) — распада веками создававшегося единого государства.

Трудно найти параллели тому глубочайшему национальному мазохизму, как тот, который охватил позднесоветское и ранее постсоветское общества. И эта глубокая травма общественного сознания (в чем опять же прав В. Мединский (см. С. 22)) действительно стала одним из главных препятствий для поступательного развития страны. А потому, говоря об истории Великой Отечественной войны, автор рецензируемой книги действует подобно хирургу, уверенной рукой один за другим вскрывающему гнойники национальной памяти. Помните знаменитые слова Ж. Дантона «Смелость, смелость и еще раз смелость!» («De l'audace, de l'audace, toujours de l'audace»)? Именно этого девиза придерживается и В. Мединский. И опять же абсолютно прав, поскольку в том, что касается Великой Отечественной, отступать нам, что называется, уже практически некуда.

Вновь предоставляю слово автору книги: «В 2009 году отмечалось 70-летие начала Второй мировой. *Вдруг* (курсив мой. — О.А.) в Евросоюзе — словно на пустом месте — возникла настоящая история по поводу роли СССР в этом печальном событии. По какой-то извращенной логике стали уравнивать Сталина с Гитлером как виновного в начале мировой бойни. Советский Союз — уравнивать с Третьим рейхом... Попутно был вытащен весь набор черных мифов о войне» (С. 11—12).

В этой цитате можно принять все: от смысла до пафоса — за исключением одного слова — «вдруг». Поскольку (и уверен, В. Мединскому это прекрасно известно!) изменение отношения к Великой Победе СССР произошло отнюдь не «вдруг». Общественное сознание как в западных странах, так и в странах бывшего «восточного блока» и «новых независимых государствах» планомерно обрабатывалось достаточно долго и поначалу осторожно. На Западе эта работа велась на протяжении десятилетий, на востоке Европы и на постсоветском

пространстве — с середины 1980-х годов. Она резко активизировалась начиная с 1989 года, с кризисом, а затем и крахом Ялтинской системы международных отношений, краеугольным камнем которой являлся Советский Союз.

Следует напомнить, что одной из основ геополитического положения СССР являлся тот колоссальный авторитет, которым он обладал как государство, сыгравшее основную роль в борьбе с нацизмом. Длительное время эта роль не подвергалась сомнению даже в кругах наиболее убежденных антикоммунистов. И прежде всего потому, что были еще живы десятки миллионы ветеранов и очевидцев Второй мировой, на собственном опыте помнивших, *как это было*. Немалое значение имело также политическое влияние левых движений, которое, правда, несколько сократилось после XX съезда КПСС, венгерских событий 1956-го и чехословацких 1968-го, но все еще оставалось весьма ощутимым, в первую очередь во Франции и Италии.

На рубеже 1980—1990-х годов ситуация резко изменилась. Военное поколение постепенно уходило — как из физической, так и (главным образом) из активной политической жизни; искусственная историческая память почти полностью сменила память живую. Важно и то, что порожденный Перестройкой общий кризис советского строя вылился в кризис левых идей, в свою очередь инициировавший глубочайший политический кризис левых движений, как на Западе, так и на Востоке Европы. Левые интеллектуалы, историко-политический дискурс которых ранее априори содержал позитивные оценки Великой Победы СССР, теряли влияние на общество. Более того, на Западе наметилось перерождение сути самого левого движения, все более менявшего политическую ориентацию и переключавшегося на защиту интересов этнических и сексуальных меньшинств. Основу дискурса «новых левых» (ориентировавшихся уже не столько на промышленных рабочих (слой которых с 1970-х годов постепенно сокращался), сколько на средние и низшие страты среднего класса) составили идеи политкорректности. Образ уходящего в прошлое СССР ассоциировался для них исключительно со сталинским тоталитаризмом, репрессиями, угнетением национальных меньшинств и гомофобией.

Таким образом, идея величия Победы СССР в Великой Отечественной не только утратила одного из своих главных союзников на Западе («старых» или «традиционных» левых), но и (в лице их «новых» преемников) приобрела еще одного ожесточенного врага, благодатную аудиторию для всякого рода ревизионистских «Soviet Story».

Еще одним значимым негативным фактором, способствовавшим распространению «черных мифов» о роли СССР в контексте событий, связанных не только с ходом, но и с пред- и постисторией Второй мировой, стали политические перемены в странах бывшего «восточного блока» и экс-советской Прибалтики (в меньшей мере сходные факторы проявились и в истории постсоветской Украины). Кризис коммунистических режимов в этих странах создал возможности для реванша как представителей старой (межвоенной, 1918—1939 годов) политической элиты, так и всего комплекса связанных с ней политических идей и идеалов (хранителями которых выступали восточноевропейские и прибалтийские эмигрантские общины на Западе, прежде всего в США, Канаде и Австралии).

Запятнавшая себя либо открытым коллаборационизмом (исключением, лишь подтверждающим общее правило, является, пожалуй, Польша), либо (в лучшем случае) недалекостью, трусостью и эгоизмом в предвоенное и военное время, старая/новая элита стран Восточной Европы и Балтии выступила носителем принципиально иных форм исторического сознания в том, что касается едва ли не всего комплекса вопросов, связанных с историей Второй мировой войны и роли в ней СССР. Понадобилось, однако, еще некоторое время, прежде чем эти формы исторического сознания стали определять политику Запада.

Это время ушло на освоение геополитического наследия, оставшегося с распадом СССР и просоветского блока. Необходимо было ликвидировать «серую зону» в Европе путем постепенной инкорпорации стран Восточной Европы и Балтии, а также бывших «нейтралов» (Австрии, Финляндии, Швеции) в НАТО и/либо ЕС. Следовало также провести большую работу по дроблению «второй Югославии», переваривание которой в виде единого государства

могло вызывать «несварение желудка» у евро-роструктур. Наконец, общества стран Восточной Европы и бывшего СССР не могли в одночасье психологически приспособиться к «новой жизни». Главное же — на постсоветском пространстве и в Восточной Европе должно было вырасти и войти в активную жизнь целое поколение, сформировавшееся на новых — постсоветских, посткоммунистических — реалиях, которое и стало главным гарантом «невозврата» к «расколоте Европы». И лишь к 2009

и значение советско-германских договоров 1939 года и секретных протоколов к ним, характер советско-финской войны и инкорпорации Прибалтики в состав СССР, соотношение военных потерь Советского Союза и Германии, роль заградотрядов и штрафбатов в годы войны, отношение советского руководства к советским же военнопленным, цели советского народа в ходе войны и степень их совпадения с целями сталинского руководства, поведение Красной армии в оккупированной Германии в 1946—1947 годах, историческое значение Великой Победы и др.

По прочтении книги становится понятным, что текст такого рода был необходим давно. Выпущенный в преддверии 70-летия начала Великой Отечественной, он даже несколько запоздал; но — лучше поздно, чем никогда.

Не буду пересказывать текст книги В. Мединского: его нужно читать самостоятельно. Причем не только самому широкому кругу читателей (на который он, собственно, и рассчитан), но и специалистам-историкам, которые, разумеется, найдут в тексте некоторое количество «блох», но не смогут не признать и высокого профессионального уровня содержания книги в

целом. Особо выделю работу издательства «ОЛМА Медиа групп», снабдившего книгу большим количеством аутентичных иллюстраций — главным образом советских, немецких и союзнических политических плакатов военных лет, часто говорящих о своей эпохе не меньше, чем текст.

Признание (и даже простое перечисление) всех этих факторов создало бы унылую картину, сильно диссонирующую с подчеркнuto позитивным настроением книги В. Мединского — кроме прочего высокопоставленного представителя правящей партии — члена Генерального совета и фракции «Единой России» в Госдуме РФ. Однако следует быть объективным и оценивать книгу исходя из того, что в ней есть, а не из того, чего нет. А есть в ней глубоко аргументированный, проведенный в доходчивой форме разговор обо всех сколь-нибудь значимых сюжетах истории Великой Отечественной войны.

Разумеется, книга В. Мединского не может заменить специальных научных исследований истории войны; да и не все данные им ответы на «острые» вопросы следует признать окончательными. Однако для специалистов-историков книга важна уже самой постановкой широкого круга исследовательских проблем, что в науке подчас важнее, чем их решение (хотя бы потому, что без уяснения проблемы ее решения не бывает). Особенно хочется выделить часть 7, специально посвященную разговору о роли кино в формировании и эволюции восприятия истории Великой Отечественной и наполненную интереснейшим (даже по меркам остальной части книги) фактическим материалом (см. С. 460—543).

Перечислю лишь те, что представляются мне наиболее значимыми: отношение Сталина и Коминтерна к нацистам и Гитлеру на рубеже 1920—1930-х годов, военно-техническое сотрудничество СССР и Германии в 1920-х — начале 1930-х годов, содержание

и значение советско-германских договоров 1939 года и секретных протоколов к ним, характер советско-финской войны и инкорпорации Прибалтики в состав СССР, соотношение военных потерь Советского Союза и Германии, роль заградотрядов и штрафбатов в годы войны, отношение советского руководства к советским же военнопленным, цели советского народа в ходе войны и степень их совпадения с целями сталинского руководства, поведение Красной армии в оккупированной Германии в 1946—1947 годах, историческое значение Великой Победы и др.

По прочтении книги становится понятным, что текст такого рода был необходим

давно. Выпущенный в преддверии 70-летия начала Великой Отечественной, он даже несколько запоздал; но лучше поздно, чем никогда.

Остается лишь надеяться, что вызов, брошенный политологом и PR-менеджером В. Мединским сообществу профессиональных историков, будет принят: пока же степень своей активности они явно не блещут. Сегодня темы по истории Великой Отечественной войны явно не относятся к числу приоритетных. Так, например, среди 78 проектов, поддержанных Российским гуманитарным научным фондом (РГНФ) и реализовавшихся в 2011 году в рамках основного конкурса, лишь один (!) хотя бы косвенно посвящен истории самой страшной из войн, пережитых человечеством: он касается образа Советского Союза в американской прессе военного времени⁵. И это в год 70-летия начала Великой Отечественной войны!

Еще одна показательная проблема — состояние архивов. Чего стоит один только

Архив Министерства обороны в Подольске (Московская область) — кстати, крупнейшее российское хранилище документов по истории Великой Отечественной! Судьба исследователя целиком и полностью продолжает зависеть от архивных служащих, порой весьма произвольно трактующих понятие военной и государственной тайны⁶. В отсутствие же документально подкрепленных (и постоянно пополняемых) свидетельств позиция России в дискуссиях с ее оппонентами (не только на уровне академических сообществ, но и на уровне МИД) с течением времени будет становиться все более слабой. В общем, PR — дело хорошее; вот только западные политики, а также исследователи, имеющие доступ в архивы (в том числе российские) и работающие на основе достойных грантов, едва ли являются благодарной аудиторией для PR-маневров — даже если их проводят такие профессиональные специалисты, как В. Мединский.

⁶ См. об этом, например: Г. Рамазашвили. Искусство секретить портянки. — www.index.org.ru/journal/19/ramaz19.html

⁵ См. www.rfh.ru/downloads/Board/032011/0_01_old.pdf

Завершу обзор новой книгой известного российского историка, видного специалиста по истории Великой Отечественной войны Александра Решидеовича Дюкова. Его монография — это и промежуточный итог целой серии проектов, осуществленных под эгидой фонда «Историческая память», и постановка исследовательских задач на ближайшее будущее. И то и другое представляется важным по многим причинам, о которых будет сказано ниже. Но даже на уровне самого поверхностного взгляда понятно главное: книга реабилитирует само понятие «Великая Отечественная», уже было

А. Р. Дюков.

«Русский должен умереть!»
От чего спасла нас Красная Армия.
М., «Яуза»; «Эксмо», 2011. 480 с., илл.

почти утраченное, «растворенное» во Второй мировой. В самом деле, нет смысла отрицать тот очевидный факт, что боевые действия на советско-германском фронте являлись неотъемлемой частью всемирного театра боевых действий, развернувшихся от Тихого до Атлантического океана. Столь же несомненно и то, что СССР, присоединившийся к Декларации Объединенных Наций от 1 января 1942 года, и юридически, и фактически являлся неотъемлемой частью блока свободолюбивых народов, выступивших против немецкого нацизма и японского милитаризма.

Однако одним лишь этим характер советско-германской войны не исчерпывается. И со всей наглядностью в своей новой книге это декларирует А. Р. Дюков: «Война на Востоке была для нацистской Германии особой войной. Здесь, на населенных недочеловеками просторах, не действовали никакие моральные и юридические законы... На закрытых совещаниях нацистское руководство прямо говорило о необходимости уничтожения миллионов советских граждан. Эти планы не оставались на бумаге — они деятельно и непреклонно воплощались в жизнь» (С. 404).

В 1941—1945 годах вермахт вел две разные войны, причем не только фактически, но и юридически: о последнем свидетельствует обширный комплекс нормативных актов — от государственных законов до военных приказов, исходивших от самых разных инстанций — от фюрера до ОКВ (верховного командования вермахта), командующих армиями, а также иными видами частей и подразделений — вплоть до командиров взводов и рот. Пересекая границы западных стран, немецкий солдат должен был руководствоваться принципами «10 заповедей» — специального документа, выданного на руки каждому военнослужащему, в котором вкратце перечислялись основные нормы законов и обычаев войны, которые были отражены как в национальном законодательстве, так и в международных документах, ратифицированных Германией.

За исключением этнических евреев и цыган (которых, кстати, тоже не расстреливали прямо на улицах, на глазах у мирного населения), граждане западных стран могли рассчитывать на соблюдение в отношении них всех основных международно-правовых гарантий, в том числе норм, касающихся защиты мирного населения и обращения с военнопленными. Даже борцы Сопротивления и лица, оказывавшие им поддержку, могли быть уверены в том, что не будут подвергнуты наказанию без суда и следствия. До 1944 года на Западе и не слышали о практике взятия заложников, да и в последний период войны, когда Германии было уже нечего терять, меры такого рода использовались нечасто и уж точно и близко не были похожи на то, что творилось на территории

СССР начиная с лета 1941 года. И наконец, ничего подобного феномену «остарбайтеров» Запад не знал: те из граждан западных стран, кто в годы войны добровольно (ни о каком принуждении (особенно прямом) не было и речи) направлялся на работу в Германию, могли вполне рассчитывать на приличную заработную плату и режим труда, аналогичный нормам, действовавшим в отношении немецких рабочих (см. С. 225, 239 и др.).

Совершенно иной характер военные действия и оккупационная политика немцев приняли на территории Советского Союза (а за его пределами — лишь в Югославии, что, согласитесь, выглядит весьма симптоматичным). Здесь — с самого начала и до последнего дня войны — главной целью германской политики оставалось уничтожение максимально возможного количества «недочеловеков», «жидо-большевиков», «коммунистов», «комиссаров». Даже Холокост — это изуверское изобретение Гитлера и его подручных — приобрел на оккупированных территориях СССР совершенно иной облик. В самом деле, на Западе сами ненавистные нацистам евреи были как будто другими: «...эти люди, которые принадлежат к нашей культуре, отличаются от тупого стада местных», — отмечал не кто иной, как нацистский губернатор Белоруссии Вильгельм Кубе (С. 170).

Да уж, что-то, а «культура» неизменно оставалась в центре внимания нацистского руководства! Естественно, ее носителями они считали исключительно западные народы, а «недочеловеки» из Восточной Европы воспринимались как главная угроза ей. А потому разговор с ними был короток — на тот свет. Пулей, штыком, ножом, руками и ногами, газом душегубок, пламенем, специальными изуверскими приспособлениями — все шло в дело на огромной фабрике смерти, в которую нацисты превратили оккупированные территории СССР. Говоря обо всех этих колоссальных пространствах как единой «фабрике смерти», я (вслед за А. Р. Дюковым) нисколько не преувеличиваю. Адская фабрика действовала не только на территориях еврейских гетто, лагерей для военнопленных и специально выделенных местах для массовых казней, наподобие киевского Бабьего Яра.

В книге приводятся многочисленные документально подтвержденные примеры того, что каждая пядь советской земли могла быть использована для совершения изуверских нацистских планов. Насилие и убийство настигали людей где угодно — на улицах, площадях, в лесах, на дорогах, в их собственных домах. Всюду, где нацистский нелюдь (и далеко не только в эсесовской форме!) ощущал желание пролить кровь «недочеловеков», не особенно разбираясь, кто перед ним: еврей, мусульманин (тоже обрезанный — кто будет разбираться?) или славянин (какая разница, кого уничтожить в первую очередь, а кого во вторую?). Только вздумайте в эту цифру: на территориях, оккупированных немцами в 1941—1942 годах, оказалось в общей сложности около 70 миллионов человек (включая бывших военнопленных). Из них выжила не более, чем пятая часть (!). Около 7,5 миллиона человек было расстреляно и сожжено, 2,1 миллиона умерло на принудительных работах в Германии, более 4 миллионов — на оккупированных территориях от голода и отсутствия медицинской помощи (см. С. 405).

Однако заслугой А. Р. Дюкова является не только обобщение огромного количества фактов (хотя и этого было бы уже достаточно, поскольку такое количество, по-гегелевски, уже само по себе переходит в качество, очерчивая общую картину). Еще более важна собственно аналитическая часть его монографии, представляющей собой лишь наброски, абрис будущего направления исследований, развертывание которых, без преувеличения, следует отнести к перечню приоритетных национальных интересов как России, так и других стран постсоветского пространства. По мнению историка, эти исследования следует вести по следующим направлениям:

1. *Последствия «контрпартизанских» действий вермахта, а также приданных ему сил (СС, СД, части, сформированные из местных коллаборационистов и др.)*. Конечно, этот аспект истории Великой Отечественной исследовался и до А. Р. Дюкова. Однако (с учетом наблюдений немецких историков, но опираясь в первую очередь на колоссальный объем источников — как архивных, так и опубликованных) ученый обратил самое пристальное внимание на

тот факт, что жестокость антипартизанских акций вовсе не являлась одним лишь ответом на активные действия партизан. Не оставляя камня на камне от доводов тех «специалистов», которые утверждают, что, дескать, сами партизаны и провоцировали террор оккупантов, А. Р. Дюков наглядно показывает, что в большинстве случаев борьба с партизанами рассматривалась нацистским командованием лишь как повод для проведения карательных акций, целью которых являлся самый настоящий геноцид населения оккупированных районов СССР.

2. *Уничтожение нацистами советских граждан еврейской национальности*. Здесь (спасибо израильским и западным грантам) в последние два десятилетия произошел настоящий переворот в исследованиях. Однако это вовсе не означает, что вся проблематика, связанная с Холокостом на территории СССР, изучена полностью и окончательно. В книге отмечается, что нацистские акции по «окончательному решению еврейского вопроса» следует рассматривать как часть общего комплекса истребительных мероприятий. В частности, массовое уничтожение (а не «просто», как это предполагалось ранее, вытеснение) еврейского населения стало одним из последствий «преступных приказов» гитлеровского командования, направленных на уничтожение советских военнопленных и обезлюживание оккупированных земель. Необходимо также, подчеркивает А. Р. Дюков, «выделить пропагандистскую составляющую Холокоста; судя по некоторым высказываниям нацистского руководства, уничтожение евреев помогало рекрутировать новых союзников в борьбе с «жидобольшевизмом»». В целом же вслед за автором рецензируемой книги следует подчеркнуть значимость немецкого историка Кристиана Штрайта: «Хотя в сознание западногерманской общественности в значительной степени внедрилась склонность проводить грань между уничтожением евреев и войной против Советского Союза, на деле «гитлеровская война на Востоке» и «окончательное решение еврейского вопроса» были тесно связаны и по времени, и по существу» (С. 416).

3. *Блокада Ленинграда*. Здесь, как подчеркивает А. Р. Дюков, многое уже исследо-

вано. Однако и тут остались свои лакуны, которые необходимо заполнить. Во всяком случае, даже на уровне тех знаний, которыми научное сообщество располагает сейчас, становится ясно, что уничтожение мирного населения осажденного города являлось не оборотной стороной, а одной из главных целей действий немецких войск и их союзников, пытавшихся на протяжении 900 блокадных дней овладеть городом. По гитлеровским планам, аналогичная судьба ждала и население Москвы (в случае ее взятия), а также население всех других сколь-нибудь крупных городов СССР. Налицо примеры Киева, Минска, Одессы, Курска и

которые регламентировали содержание советских военнослужащих в германском тылу. Ни одна из этих норм не позволяла морить пленных голодом, не оказывать им даже элементарной медицинской помощи, изнурять непосильным трудом и не обеспечивать бывшим красноармейцам даже элементарных бытовых условий (в прифронтовой полосе люди сутками не имели крыши над головой, а транспортировка была налажена таким способом, что зимой раненые во множестве умирали от холода, а летом — от жары, духоты и проч.). И наконец, Германия, которая в отличие от СССР подписала Женевскую конвенцию 1929 года, согласно ее положениям брала на себя обязательство соблюдать этот международно-правовой акт даже применительно к военнопленным из тех стран, которые этой конвенции не подписали или не ратифицировали ее (!) (С. 99—100). Таким образом, попытки освободить гитлеровское руководство от ответственности за трагедию советских военнопленных, возложив эту ответственность на Сталина, оказываются полностью несостоятельными.

Стоит ли вновь воскрешать в памяти жуткие картины военного ада? Не лучше ли просто забыть этот кошмар, чтобы никогда более к нему не возвращаться? Автор дает однозначно отрицательный ответ на этот вопрос.

др. Вот лишь один факт: из 114-тысячного довоенного населения Орла к моменту освобождения осталось лишь 30 тысяч. Нужны ли здесь комментарии?

4. *Политика нацистов по уничтожению советских военнопленных.* В исследовании этой темы сделано немало, но еще больше предстоит сделать. Тем более что именно этот аспект истории Великой Отечественной подвергся наиболее активной фальсификации. Заслуги А. Р. Дюкова в этой области касаются, прежде всего, в окончательном закрытии (да, именно так!) темы будто бы полного отсутствия правовой защиты советских военнопленных. Исследователь наглядно показывает, что, хотя СССР и не подписал Женевскую конвенцию о правах военнопленных 1929 года, однако он неукоснительно соблюдал ее основные положения. Кроме того, СССР руководствовался нормами более ранней, Гаагской конвенции 1899 года, которые не имели ничего общего с теми принципами,

5. Так называемое *молекулярное насилие нацистских оккупантов.* Эта проблема практически не изучена ни в отечественной, ни в зарубежной историографии. Тем не менее известны тысячи фактов повседневного насилия оккупантов над советскими людьми — убийств, грабежей, изнасилований женщин и проч., за которые нацистские не люди по «преступным приказам», изданным в предвоенное и военное время, не несли никакой ответственности. В отличие от войны на Западе, война на Востоке должна была не только «списать» все и всякие военные преступления: все эти преступления должны были стать посильной «лептой» каждого воина в дело освобождения оккупированных пространств от «недочеловеков». Вздыхающим о судьбе несчастного немецкого населения оккупированных советскими «варварами» Восточной Пруссии и иных восточногерманских земель следует напомнить: то, за

что (разумеется, в случае раскрытия факта) военнослужащего Красной армии в 1945-м и далее ждал военный трибунал и мера наказания вплоть до высшей, солдата вермахта в 1941—1944 годах не только не ждало никакого наказания — он мог быть даже *поощрен*. Это к вопросу о общей сути «двух тоталитарных режимов».

6. Практически не исследованы меры по угону и уничтожению населения районов, оставлявшихся отступающими немцами в 1943—1944 годах под давлением наступающих сил Красной армии. Расстрелы отставших и уклонившихся от отправки, уничтожение в лагерях для перемещенных лиц, холод, голод, болезни — все эти факторы обернулись гибелью миллионов людей.

7. Наконец, еще одно направление исследований касается *последствий экономического ограбления советских территорий*. В совокупности эти акции обернулись не только утратой значительного количества государственного и частного имущества, но и (главное!) жутким голодом, уничто-

жившим сотни тысяч, если не миллионы несчастных.

Остается последний вопрос: а следует ли идти по пути, намеченному А. Р. Дюковым? Стоит ли вновь и вновь воскрешать как в индивидуальной, так и в коллективной памяти жуткие картины военного ада? Не лучше ли просто забыть этот кошмар, чтобы никогда более к нему не возвращаться? Автор рецензируемой книги дает однозначно отрицательный ответ на этот вопрос. И потому, что события Великой Отечественной — это «точка сборки» всей отечественной истории XX века, ключ к пониманию всей этой истории, да и истории современного российского общества тоже. Но еще и потому, что, до тех пор пока мы ощущаем себя людьми, мы не должны уклоняться от морального долга: «Оторвитесь от книги и подойдите к окну. Там, за стеклом, — люди... Если бы шестьдесят лет назад наши деды и прадеды не победили, то никого из этих людей не было бы в живых...» (С. 420).

Можно ли сказать лучше? Можно ли выразиться яснее? ◆